

УДК 1 (091)

«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ» СИМВОЛИЗМ В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Р.Ю. ВИППЕРА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализированы воззрения Р.Ю. Виппера – представителя критического позитивизма в России конца XIX – начала XX в. – на природу и эволюцию символического мышления древнего человека и на попытку современных исследователей возродить символизм как способ понимания и преобразования реальности. В философской рефлексии Виппера, «старый» символизм – это способность человека, имманентная его мышлению, выражать символами окружающий мир, наделять реальность собственными смыслами; «новый» символизм – желание исследователей, сомневающихся в потенциальных возможностях науки, реконструировать архаический символизм в новых формах и использовать его как способ возможного постижения истины. Как сторонник преодоления (но не отрицания!) метафизики, Виппер справедливо оценивает роль востребованности символизма в любом типе культуры, в том числе и в современном, однако предлагает давать ответы на «вечные» вопросы научно-теоретическим языком, без религиозно-мистической настроенности.

Ключевые слова: философия истории, метафизика, позитивизм, реализм, символизм, опыт, созерцание, идеал.

Философско-историческое мировоззрение Роберта Юрьевича Виппера формировалось в эпоху, именуемую исследователями, как «преодоление метафизики» [1, с. 103]. Позитивистски ориентированные авторы той поры, стремившиеся работать вне религиозно-мистической ориентации, сходились во мнении, что философия прежде всего должна представлять собой систему знаний, основанную на опытно-теоретических доказательствах, а не на метафизических построениях. В их общем дискурсивном поле доминировал тезис о том, что предметом философского интереса может быть лишь имманентная человеческому мышлению сфера сущего, а не трансцендентный мир идей. В этом признается и сам Виппер, причисляя себя к сторонникам положительного знания в стадии «теоретико-познавательного критицизма» [2, с. 61]. В этом солидаризируются и исследователи его творчества [4, с. 133; 5, с. 122; 6, с. 90; 8, с. 118]. Их общая позиция сводится к признанию того, что преодоление метафизики как принципиально иллюзорного истолкования реальности не означало ее полного забвения. Актуальной задачей было не отвергать метафизику, а уяснить ее подлинную роль и востребованность в культуре. Несмотря на развитие опытного знания, «вечные» вопросы не теряют своей актуальности, значит, следует искать исторически обусловленные ответы на эти вопросы. «Преодоление метафизики» как раз и состоит в том, чтобы, убедившись в важности вопроса, дать принципиально иной, неметафизический ответ», –

справедливо отмечают А.И. Бродский и А.Е. Рыбас в монографии «Проекты Серебряного века: Философские идеи русского модерна» [1, с. 104].

Преодоление метафизики, с точки зрения Виппера, предполагает попытку сформулировать новое понимание философии истории, выраженное в форме системы отвлеченных категорий, таких, например, как «история», «культура», «общество», «национальный организм», «власть» и т. д., символический смысл которых подлинно вскрывается лишь опытным путем. Этой проблеме, в частности, посвящена работа Виппера «Символизм в человеческой мысли и творчестве», впервые напечатанная в журнале «Русская мысль» в 1905 г. Здесь автор рассуждает о природе «старого» и «нового» символизма. Под «старым» символизмом он подразумевает имманентно присущую мышлению древнего человека способность наделять смыслами окружающую его действительность, под «новым» символизмом – желание исследователей, утративших надежду на всемогущество науки, реконструировать или возродить прежний символизм в новых формах, соответствующих, на их взгляд, реалиям современности.

Виппер замечает, что в среде интеллектуалов XIX столетия постепенно намечается тенденция своеобразного инструментального «переноса» в попытках постичь истину: с науки – на искусство. Науке, не оправдавшей их надежд и оказавшейся не способной подняться до решения высших задач, они стали противопоставлять искусство как ключ к разгадке «реальности, состоящей из непонятных символов, которые раскрываются только воображению художника» [3, с. 98]. Круг их рассуждений выглядел примерно так: окружающая человека действительность есть только ее видимость, «маскировка истины», следовательно, нужно уметь читать рассеянные всюду знаки этой истины. Литературный и художественный символизм способен демонстрировать особый подход к культурсозидательному творчеству, согласно которому, важно не лицеизреть и описывать реальные образы, представленные на живописном полотне, в драматическом произведении или в бытовом рассказе, а разгадывать заключенный в них скрытый смысл.

На рубеже XIX–XX столетий такой «запрос» на символизм усилился и приобрел более разнообразные формы. Виппер замечает, что в научно-философскую сферу, в частности, сферу общественных наук, имеющих дело с человеком во всех выражениях его психики, общественного устройства и судьбы, начинает проникать настрой, аналогичный литературному и художественному символизму. Повсеместно начинает артикулироваться мысль о двойственности жизненного мира личности: один – мир конкретного наблюдения и рассудочного знания, другой – мир нравственного созерцания и творческой воли человека. В этой последней сфере человек обладает совершенно особой силой, способной поднять его над слабостями рассудочной природы и над теми досадными ограничениями, какие налагает на него эмпиризм, условия внешней природы и историческое наследие прошлого. По замыслу представителей «нового» символизма, задачи внутреннего волевого мира соприкасаются с «вечностью» в том смысле, что стремятся к установлению неизменных начал в человеческом строе и деятельности, способных преодолеть мучительный и сложный путь конкрет-

ного описательного изучения материала и анализа условий, выдвинутых реальной жизнью. В таких рассуждениях Виппер усматривает ноты протеста против реализма. «Новый» символизм предполагает, что реалистическая наука «ползает по земле», придавленная непомерной ношей, тогда как внутреннее созерцание «обладает крыльями»; углубляясь в него человек «таинственным зрением» может видеть высший свет [там же, с. 100]. Подобная палитра рассуждений, представленная, как правило, на страницах журналов, позволяет Випперу говорить о присутствии символизма в науке или, по крайней мере, в связи с наукой.

Природу «нового» символизма Виппер пытается раскрыть через культурно-историческое погружение в пласты формирования «старого» символизма. Исследовательский взор автора рисует три эпохи формирования и накопления символической оболочки понимания человеком окружающего мира: первая – «хаотический реализм» первобытного человека; вторая – «символизм» средневекового мыслителя; третья – «организационный реализм» человека Нового времени.

Согласно научным взглядам своего времени, Виппер представляет эволюцию сознания первобытного человека в его желании постичь и зафиксировать непонятную и таинственную действительность. Первые признаки символизма Виппер усматривает в ранних формах искусства, демонстрирующих эволюцию от беспорядочного на первых шагах, но при этом довольно реалистичного, отображения действительности (наскальная живопись) – до строго нормативной значимости рисунков в последующее время, выполняющих уже функцию не столько отражения личных переживаний древнего охотника, сколько стремление идентифицировать свой род и место обитания (орнаменты на предметах повседневной жизни). Примитивную духовную жизнь первобытного человека Виппер именуется как «хаотический конкретизм», когда память и воображение наполнены отчетливыми образами, которые, в своей совокупности, представляют невероятное смешение форм. Это объясняется исключительной развитостью внешних чувств первобытного человека и крайней слабостью формальных средств, необходимых ему для того, чтобы анализировать материал впечатлений и упорядочивать его. На более высокой ступени развития мышления картина меняется. У древнего человека расширяется кругозор, постоянное наблюдение позволяет уже классифицировать окружающую природу, выстраивать иерархию понятий, «учреждать в ней власть», как говорит сам Виппер [там же, с. 102]. Сложная познавательная деятельность показывает, что человеческий интеллект проделал большую и сложную работу по «переносу» ориентированности своего сознания с внутреннего на внешний мир. Постепенно появляется представление о том, что наружный мир, если только глубже в него взглядеться, «смотрит» на тебя особым таинственным взглядом, идет к тебе на встречу своими знаками. Не отобразить мир, а разгадать его знаки – такова новая задача человека.

Таким образом, сквозь века у человека складывается представление о наличии двух миров: один – раздробленный в мелочах, хаотический, колеблющийся, мир, который человек способен постичь без усилий сознания,

мир ежедневный, конкретный, не настоящий, не главный, мнимый, обманчивый; другой – стройный, ясный, твердый, но доступный «особому зрению» – рассудочному, этот мир – истинный, подлинный, образцовый, он или скрыт в первом, или так удален от него, что может быть вызван только силой воображения. «Новый символизм», в интенциях Виппера, формируется на почве осмысления последнего. В этом случае символы как знаки «великой тайны», рассеянные по миру, приобретают для человека особый смысл. На их верное воспроизведение человек тратит много энергии, вид этих знаков может вызвать прямо противоположную реакцию – воспламенить или ожесточить. В одном случае, человек демонстрируется способным «бросаться под колесо повозки, везущей божество», в другом – «поднимать знамя, которое дороже жизни людей, собранных под ним» [там же, с. 104].

Не трудно догадаться, что подобным эзоповым языком, объясняющим природу «нового символизма», Виппер характеризует настрой представителей двух крайних мировоззренческих направлений современной ему России – религиозных ортодоксов и революционных радикалов. Конечно, он не говорит об этом прямо, поскольку это не позволяет формат публичной лекции, прочитанной им в Москве 27 ноября 1904 г. Но подготовленные слушатели и, впоследствии, читатели (одноименная статья в журнале «Русская мысль» появится спустя год), вовлеченные в вихрь турбулентности социальных и политических событий 1904–1905 гг., сразу принимают правила игры и интерпретируют слова докладчика как «здесь-и-теперь», как версию объяснения условий сложившейся культурно-исторической ситуации в стране.

Говоря о природе «нового» символизма, Виппер задается вопросом, есть ли объективные показатели возможности возрождения символизма в его прежнем значении, т. е. в том, что человек может вновь считать себя центром вселенной, а законы своего духа – законами мировых отношений? Новый символизм на его взгляд, пока находится только в стадии своеобразного «протеста» или «обещаний». Главная трудность «новых» символистов заключается в том, что его адепты не могут найти или выработать общепонятный всем язык. В искусстве такая проблема решается через обращение к архаике (например, к старинным приемам художественного изображения, к старинным костюмам, к древней технике резьбы по дереву или обработке металла и т. д.). Результаты здесь, однако, неоднозначны. Это связано с изначально противоречивой постановкой цели использования архаичных приемов: с одной стороны, современные художники стремятся осуществить историческую реконструкцию обстановки или горизонта зрения человека старых времен, с другой – берут на себя непосильную задачу: отыскать «таинственный мир», который был когда-то доступен «неиспорченному зрению натурального человека» [там же, с. 110].

Если первая часть проекта – воссоздание исторической реконструкции – в той или иной степени удастся, то вторая – раскрыть тайну старого искусства – остается нерешаемой. Следует признать, что тайна, которую архаичный человек считал своей тайной, так и остается для современников «чужой» тайной. Нисколько не смущаясь загадочностью предмета своих

рассуждений, Виппер говорит о том, что таинственность возникала из игры сливающихся противоречий. Старинный символист, когда превращал свой психический кризис в исторический факт, или, наоборот, ощущал в своих душевных колебаниях повторение мировых катастроф, не замечал этого превращения, не признавал его, а «переживал», «проживал» его. Современный художник или исследователь, зная сущность такого превращения, не в силах поддаться иллюзии архаичного человека, не способен постичь когда-то субъективно переживаемые символы.

Между тем Виппер соглашается, что наметившаяся тенденция реставрации символизма возникла не случайно, что она востребована атмосферой «порубежного» времени с его бурными переменами, влекущими за собой трансформацию веками устоявшихся норм, ценностей, традиций и общественных идеалов. В символизме человек ощущает непосредственно близкую опору, ищет доступное и легкое «утешение» в состоянии душевного волнения и колебания. Множество людей выражают таким образом сожаление о потерянной равновесии и осуществляют попытку восстановить долю утраченного наследия. Такое состояние Виппер прямо называет «психологией возврата к символизму» [там же, с. 111]. Здесь он солидаризируется с немецким поэтом Ф. Гёльдерлином, который еще в начале XIX в., будучи увлеченным классической древностью, так характеризовал своих современников: «Я вижу ремесленников, мыслителей, священников, господ и слуг, молодых и старых, но *не вижу* людей... Все святое, что даже у дикарей сохраняется в божественной чистоте, принижено у этого народа, у этих варваров, во все вносящих расчет» (цит. по: [там же, с. 112]).

Для усиления аргументации современного «возврата к символизму» Виппер апеллирует и к представителям реакционного романтизма, в его терминологии начала XIX в., которые объясняли эту тенденцию наличием у человека страха перед бессилием научной мысли. Через все их рассуждения красной нитью проходит ощущение разрыва между идеалом и действительностью, культурой и реальной жизнью. В их сочинениях сильны мотивы неудовлетворенности существующим порядком, разочарования в настоящем, ощущения внутреннего разлада с окружающей действительностью, желания борьбы за счастье и свободу [7, с. 122–123]. В связи с этим у человека есть два пути: один – это тяжелый, без просвета и видимой цели, с бесчисленными искривлениями путь опыта; другой – путь внутреннего созерцания, способ, похожий на моментальный прыжок. Второй путь, предлагаемый романтиками, Виппер именуется «психологией малодушия» [3, с. 114]. Он отмечает, что вместо того, чтобы проявлять терпение, вести последовательное наблюдение, критически мыслить и смело признаваться в ограниченности своих познавательных возможностей, исследователи начинают увлекаться поиском какого-то потайного, кратчайшего хода, избегая научных приемов познания.

Современная философия истории, или «философия общественных наук», как именуется ее сам Виппер, поражает его невниманием к конкретному научному материалу истории, права, народоведения, психологии. В итоге выводы исследователей, оперирующих такого рода «воздушными термина-

ми», остаются вне пространства и времени. «Новый» символизм, в интенции Виппера, с его исканием тайного внутреннего мира сквозь явный внешний, при этом без особого внимания к конкретным условиям бытия, обречен на неудачу. Виппер признается, что, с одной стороны, такой путь познания может подниматься до выражений все более возвышенных и красивых, мистичных и поэтичных, но с другой – он рискует оказаться беспредметным и, следовательно, лишенным какого-либо социального наполнения.

Как видно из представленных рассуждений, Виппер соглашается, что, несмотря на развитие опытного знания, «вечные» вопросы никогда не утратят своей актуальности, однако настаивает, что на эти вопросы следует искать ответы не символические, а обусловленные конкретно-исторической ситуацией. Тайны, загадочность, идеалы – все они велики не только тем, что они вечны, но и тем, что они человечны, символизируют человеческое достоинство, – резюмирует Виппер [3, с. 116]. В поисках глубинного, таинственного смысла следует ориентироваться на «реальные горизонты», «реальные формы и краски», объяснять их научно-теоретическим языком, держась в стороне от мистико-религиозных настроений.

Список литературы

1. Бродский А.И., Рыбас А.Е. Проекты Серебряного века: Философские идеи русского модерна. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2013. 324 с.
2. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. ст. и публ. лекций. 1900–1912. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1912. С. 26–61.
3. Виппер Р.Ю. Символизм в человеческой мысли и творчестве // Русская мысль: ежемесяч. лит.-полит. изд-е. Год 26-й. Кн. 2. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерева и К^о, 1905. С. 98–116.
4. Иванова Е.С., Михайлова Е.Е. Диалог культур в контексте культурно-исторической типологии Р.Ю. Виппера // Вестн. Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. Вып. 4. С. 122–133.
5. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2016. 187 с.
6. Костомясова А.В. Историко-культурологические воззрения Р.Ю. Виппера // Философия. Язык. Культура: сб. науч. тр., посвящ. д-ру филос. наук, проф. Н.И. Безлепкину к 60-летию со дня рожд. и 30-летию научно-пед. деят-ти / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. СПб. акад. упр-я и экономики, 2010. С. 90–94.
7. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

8. Михайлова Е.Е. Русский позитивизм на рубеже XIX–XX веков: Проблема социокультурного развития. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 205 с.

THE «OLD» AND THE «NEW» SYMBOLISM IN ROBERT WIPPER'S PHILOSOPHICAL REFLECTION

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the analysis of Robert Wipper's – representative of critical positivism in Russia in the late XIX – early XX centuries – views on nature and evolution of symbolic thinking of ancient man and the attempt of modern researchers to revive the symbolism as a way of understanding and transforming reality. According to Wipper's philosophical reflection, the «old» symbolism is the ability of a person (which is immanent to his thinking) to express the world through symbols, to endow the reality with peculiar meaning; while the «new» symbolism is the will of researchers who doubt the potential of science to reconstruct the archaic symbolism in new forms and to use it as a way of understanding of possible truth. As a supporter of overcoming (but not denial!) of metaphysics, Whipper rightly evaluates the role of symbolism in demand in any type of culture, including a modern one, but he proposes to give answers to the «eternal» questions using scientific-theoretical terms without appealing to the religious-mystical pattern.

Key words: *philosophy of history, metaphysics, positivism, realism, symbolism, experience, contemplation, ideal.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena – Ph.D., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru